

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.1-126-161

УДК 101.1:316

СТРАТАГЕМНОЕ МЫШЛЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ФЭН МЭНЛУНА: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Завьялова Татьяна Георгиевна,

аспирант кафедры философии и гуманитарных наук

Новосибирского государственного университета экономики и управления – «НИИХ»,

Россия, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56;

старший преподаватель Института Конфуция НГУ,

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1

ORCID: 0000-0003-4043-8579

SPIN-код: 4502-4874

sunjing2006@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме соотношения этических норм и стратегического мышления. Анализ способов описания и репрезентации стратегического мышления в творчестве Фэн Мэнлуна позволит достичь комплексной исследовательской цели: во-первых, дополнить сведения о биографии и творчестве самого писателя, во-вторых, ввести в научный оборот новые источники для исследования стратегического мышления, в-третьих, выявить комплекс социально-философских взглядов Фэн Мэнлуна, на основе которого происходило осмысление стратегического мышления. В качестве источниковой базы впервые в научный оборот вводится сборник стратегического мышления «Сумма мудрости».

Статья состоит из трех частей. В первой части дается краткое введение в проблему: в Китае гражданские чиновники, так же как и военное сословие, активно применяли стратегии в управленческой практике. Вторая часть посвящена анализу фактов биографии Фэн Мэнлуна, инициировавших его интерес к стратегиям. Бытовая стратегическая мудрость в личном опыте Фэн Мэнлуна создает основу для оценки мудрости и глупости как значимых социальных факторов. Анализ биографии Фэн Мэнлуна позволяет подтвердить гипотезу, что в китайской культуре стратегическое мышление ограничено рамками конфуцианской этической системы, которая, с одной стороны, не поощряет применение стратегий, но, с другой стороны, и не запрещает его. Третья часть посвящена непосредственно анализу самого памятника китайской литературы. Анализ структуры и содержания «Суммы мудрости» позволяет доказать, что стратегическое мышление – это разновидность мышления практического и образно-ассоциативного, которое не разрушает этические рамки, но показывает приемлемый выход в «серую зону» этики. Описание стратегий в «Сумме мудрости» базируется на тради-

ционных конфуцианских ценностях, но при этом задает поливариантность планируемого действия.

Ключевые слова: Фэн Мэнлун, «Сумма мудрости», стратегема, стратегическое мышление, конфуцианская этика.

Библиографическое описание для цитирования:

Завьялова Т.Г. Стратегическое мышление в творчестве Фэн Мэнлуна: опыт интерпретации // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 3, ч. 1. – С. 126–161. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.1-126-161.

Введение

Имя Фэн Мэнлуна (1574–1646) хорошо известно российскому читателю. За последние 70 лет на русском языке многократно издавались и переиздавались сборники его повестей. Теоретическое осмысление творчества Фэн Мэнлуна стало возможно благодаря трудам Б.А. Рифтина, В.А. Вельгуса, И.Э. Циперович, А.П. Рогачева, Д.Н. Воскресенского, В.В. Малявина. В российском востоковедении сложилась единая точка зрения на Фэн Мэнлуна как на человека, занимавшегося исключительно литературным трудом.

В Китае серьезный общественный интерес к творчеству Фэн Мэнлуна возродился благодаря Лу Синю (鲁迅) и его лекциям по китайской традиционной романистике в Пекинском университете (1920). В настоящее время благодаря усилиям китайских ученых выявлены или уточнены многие факты его биографии. Особым авторитетом в Китае пользуются труды Сюй Шофана (徐朔方), Гао Гунцзюня (高洪钧), Ван Лина (王凌). В 1993 году издательство «Феникс» (凤凰出版社) выпустило полное собрание сочинений Фэн Мэнлуна в 22 томах. В 2007 году вышло дополненное и исправленное издание в 18 томах.

Серьезные изменения в исследованиях жизни и творчества Фэн Мэнлуна произошли после 1982 года, когда из Японии на родину был привезен текст «Записей о пребывании в уезде Шоунин» («寿宁待志», 1637). С 1982 года и по настоящее время в рамках научного «Проекта 1316» осуществляются масштабные исследования, посвященные Фэн Мэнлуну. Отдельные этапы этого проекта, а также полученные результаты неоднократно освещались как в авторитетных научных изданиях, так и в центральной прессе, в том числе в газетах «Женьминь жибао» и «Гуаньмин жибао».

Кроме научных исследований, популяризация творческого наследия Фэн Мэнлуна происходит за счет создания различных инфраструктурных объектов и культурного туризма. На родине писателя – в городе Сучжоу – реконструирована и открыта для посещения усадьба семьи Фэн, при ней работает «Академия Фэн Мэнлуна». В уезде Шоунин городского округа

Ниндэ провинции Фуцзянь создан мемориальный музей Фэн Мэнлуна. В экспозиции музея четыре отдела: «Начальник уезда Шоунин», «Честный чиновник своего времени», «Великий мастер словесности», «Весь народ читает Фэн Мэнлуна». В музее регулярно проводятся просветительские программы и обучающие мероприятия для членов КПК со всей страны. В 2015 году у Гао Фэн (高峰) снял полнометражный фильм «Легенда о Фэн Мэнлуна», посвященный его пребыванию в уезде Шоунин.

Председатель КНР Си Цзиньпин в юности зачитывался «Тремя словами»¹ Фэн Мэнлуна – это один из его любимых и часто цитируемых писателей [7, 9]. В КНР выходит специальная программа «Истории, рассказанные Си Цзиньпином», один из выпусков был посвящен Фэн Мэнлуну и его управленческой практике [6]. В нескольких выступлениях Председатель Си Цзиньпин упоминал Фэн Мэнлуна как образец честного и грамотного чиновника, много сделавшего для населения того уезда, в котором он служил [5].

Годы жизни Фэн Мэнлуна (1574–1646) приходятся на крайне противоречивый и трагичный период в китайской истории. Его молодость и формирование личности пришлись на время правления императора Ваньли (万历, 1572–1620), основной период творческой активности и чиновничьей карьеры (1620–1646) – на годы правления последних двух минских императоров Тяньци (天启, 1620–1627) и Чунчжэня (崇禎, 1627–1644). Когда он был в полном расцвете духовных и физических сил, империя Мин медленно шла к своему краху. В преклонные годы он стал свидетелем гибели страны. Когда династия Мин прекратила свое существование, Фэн Мэнлуну было 70 лет.

Контекст существования стратега всегда характеризуется многоуровневыми и разноаспектными конфликтами и кризисами. Мотивом для создания и применения стратегии может стать социальный, политический, военный или иной конфликт, который невозможно разрешить рутинными или силовыми методами. Таких кризисов и конфликтов в эпоху поздней династии Мин было очень много. Фэн Мэнлун был талантливым человеком, имел активную жизненную позицию. С большой долей вероятности можно предполагать, что стремление сделать что-то полезное для спасения страны в тяжелой и сложной ситуации не могло не отразиться на его взглядах и творчестве.

Если считать Фэн Мэнлуна только собирателем и редактором прозаической литературы, исследование отражения стратегического мышления

¹ Здесь и далее «Три слова» – это общее название для трех сборников повестей: «Слово ясное, мир наставляющее» («喻世明言», 1621), «Слово доступное, мир предостерегающее» («警世通言», 1624), «Слово вечное, мир пробуждающее» («醒世恒言», 1627). Датировки изданий даны по [4], у других исследователей даты отличаются на год или два.

в его творчестве не выйдет за рамки предметного поля и методологии литературоведения. Если же уточнить событийный ряд его биографии, а также учесть всю сумму творческого наследия Фэн Мэнлуна, можно достаточно обоснованно утверждать, что и определенная идейная позиция, и своя система практической философии у него были. В этом случае и литературные произведения на разговорном языке (*байхуа*), и сборники коротких рассказов на языке высокой словесности (*вэньяне*) можно рассматривать как практическую реализацию его социально-философских взглядов. Интерес же к обобщению и описанию опыта применения стратегического мышления мог быть продиктован и вполне практическими целями.

В исследованиях китайского стратегического мышления в России до сих пор актуальна задача расширения источниковой базы за счет произведений, созданных в рамках конфуцианской идеологии. Мировоззрение Фэн Мэнлуна сформировалось под влиянием конфуцианской традиции, в молодости он получил хорошее классическое образование. Анализ способов описания и репрезентации стратегического мышления в творчестве Фэн Мэнлуна позволит достичь комплексной исследовательской цели: с одной стороны, восполнить сведения о биографии и творчестве самого писателя, с другой стороны, ввести в научный оборот новые источники для исследования стратегического мышления, с третьей – выявить комплекс социально-философских взглядов Фэн Мэнлуна, на основе которого происходило осмысление стратегического мышления.

В качестве основной источниковой базы исследования взяты три произведения Фэн Мэнлуна: «Легкомысленные разговоры с древности и до наших дней» («古今谭概»), «Сумма мудрости» («智囊») и «История чувств, изложенная по родам» («情史类略»).

1. Биография Фэн Мэнлуна как этическая программа

Общественный запрос на стратегическую литературу при поздней династии Мин был. Фэн Мэнлун – не единственный автор, писавший подобные произведения. На эту группу текстов первым обратил внимание профессор Ся Сянчунь (夏咸淳). В 1993 году он выпустил первую статью «Коротко о «Книгах мудрости» конца периода правления династии Мин» [11]. Под его же руководством были изданы «Четыре большие книги мудрости» с комментариями и переводом на современный язык, в том числе и «Сумма мудрости» Фэн Мэнлуна. К 2016 году китайские исследователи обнаружили 17 подобных произведений. Социальный статус авторов «Книг мудрости» был примерно одинаков: это были чиновники невысоких рангов и образованные люди, потерпевшие неудачу на экзаменах и не получившие назначения на должность [8].

Одного запроса, который кроме социального имел еще и коммерческий смысл², для создания литературы подобного рода недостаточно. У автора должны были быть для этого как минимум мотив, формирующийся на основе определенных ценностей, и возможности, включая личный опыт, интеллектуальную среду и мыслительный инструментарий.

Об авторах других «Книг мудрости» известно еще меньше, чем о Фэн Мэнлуэ. Анализ его творческой биографии поможет в ответе на вопрос о возможном соотношении стратагемного мышления с этическими установками и для всей этой социальной группы: действительно ли стратагемы предполагают полное размывание нравственных границ, или они существовали в рамках какой-то этической системы? Определенная этическая доктрина у Фэн Мэнлуэ была, но наиболее ясно она артикулирована в его сборниках повестей в стиле *хуабэнь*. Заявленные в литературном произведении принципы и поступки человека в реальной жизни вполне могут и не совпадать. Многие истории из сборников анекдотов и «Суммы мудрости» имеют весьма сомнительный статус с точки зрения нравственности. Как сборник описаний стратагем, «Сумма мудрости» оценивается и в «Аннотированном каталоге всех книг по четырем разделам», созданном при цинском императоре Цянлуэ (1736–1795) известным ученым Ци Юнем (1724–1805). В 132-м свитке, в 42-й части «Авторские произведения. Эклектики» говорится: «Составил минский Фэн Мэнлуэ. У Мэнлуэ есть “Взвешенное и сохраненное о “Чуньцю””, уже внесено в каталог. Собрал хитрые уловки и стратагемы (智术计谋) древних, разделил на десять частей. Также произвольно снабдил комментариями, легковесно и в высшей степени вульгарно (佻薄殊甚)» [12, с. 3377].

Чтобы подобная реконструкция получилась корректной, необходимо учитывать символический и ценностный смысл поступков Фэн Мэнлуэ в общем культурном контексте того времени. Также необходимо выявить переломные моменты в его жизни, так как ценностный выбор в сложной ситуации наиболее ярко характеризует нравственные установки личности.

1.1. Учебная и служебная карьера Фэн Мэнлуэ

В официальных исторических документах сведения о Фэн Мэнлуэ крайне скудны. До наших дней дошло всего три упоминания из местных хроник округа Сучжоу и уезда Шоунин. В Сучжоу Фэн Мэнлуэ родился, в Шоунине служил. Самая ранняя запись сделана самим Фэн Мэнлуэ в «Записях о пребывании в уезде Шоунин» («寿宁待志», 1637), где он очень кратко отмечает время и причину назначения на должность. В «Местной хронике округа Сучжоу», изданной при цинском императоре

² Об этом Фэн Мэнлуэ не без гордости пишет в предисловии к дополненному изданию «Суммы мудрости», вышедшему в 1634 году.

Тунчжи (1861–1875), говорится: «Фэн Мэнлун, имя-цзы³ Наньхун, [человек] талантливый, но распущенный. Стиль его поэзии и прозы роскошен, прекрасно разбирался в каноническом учении. В годы Чунчжэнь по рекомендации от волости назначен начальником уезда в Шоунинь» [4, с. 3]. В «Местной хронике округа Фунин»⁴, изданной при цинском императоре Цянлуэ (1736–1795), говорится: «Начальник уезда при династии Мин, Фэн Мэнлун из Цзяннани, уезда Усянь, после годовых экзаменов рекомендован ко двору, на седьмом году под девизом правления Чунчжэнь стал начальником уезда. Приказы отдавал простые, наказаний было мало⁵. В первую очередь ценил литературу. Относился к народу милостиво, в отношениях с образованными людьми соблюдал этикет» [4, с. 3].

С одной стороны, эти записи позволяют нам однозначно трактовать два факта: чиновничью должность Фэн Мэнлун так или иначе получил, но его путь к этому результату был весьма нелегким. С другой стороны, от процитированных записей из хроник создается впечатление, что Фэн Мэнлун был личностью достаточно противоречивой. Кроме того, тон записей из Шоунина гораздо более доброжелательный, нежели из Сучжоу, у этого явления тоже должно быть какое-то рациональное объяснение.

О тернистом пути Фэн Мэнлуна к назначению на должность говорит термин «годовая рекомендация от волости ко двору» (岁贡). Китайский исследователь Чэнь Юйлян выделяет четыре основные конфигурации чиновничьей карьеры при династии Мин: 1) прямое назначение на должность после сдачи трех ступеней экзаменов и получения высшей степени *цзиньши*; 2) по рекомендации волости (округа, уезда) получить статус *гуниэнь* – «рекомендованного ко двору студента» (贡生) и стать выпускником Академии сынов государства (国子监); 3) внести серебро или иные ценности для получения права поступления в государственную академию и получить назначение (иначе говоря, купить должность за деньги); 4) по личной рекомендации. Четвертый вариант карьеры был достаточно редким. Был еще и пятый путь для тех, кто постоянно проваливался на экзаменах: по достижении пятидесяти лет можно было подать прошение об отставке, таким людям разрешалось пожизненно носить специальную форменную одежду, маркирующую статус *сюэцзя*, но это был путь полных неудачников [15, с. 2, 3].

³ В традиционном Китае у человека было два официальных имени: имя-мин (名), которое давали родители при рождении, и имя-цзы (字), которое давали по достижении совершеннолетия. По имени-мин человека могли называть родители, старшие родственники и император. По имени-цзы называли все остальные не только при личной коммуникации, но и в различных официальных и деловых ситуациях.

⁴ При династии Мин уезд Шоунин входил в округ Фунин.

⁵ Это выражение – устойчивая оценочная формула для характеристики хорошего управления: когда приказы издаются простые, в обществе формируется здоровая атмосфера, а наказания легкие потому, что преступлений мало. Это формулировка часто использовалась для положительной оценки работы местных чиновников.

Карьера Фэн Мэнлуна развивалась по второму пути, а это, как утверждает Чэнь Юйлян, был путь долгий и хлопотный, предполагавший выполнение различных годовых аттестационных требований в течение достаточно долгого времени. Всего надо было пройти четыре этапа: 1) поступить в учебное заведение, 2) стать стипендиатом⁶ (補廩), 3) далее стать *гуншэнном* (出貢), 4) после чего можно было занять какую-то должность в системе образования. Второй и третий этапы были самые трудные. Получение статуса стипендиата могло занимать минимум три года, максимум – более 10 лет. Иногда этот срок растягивался и до 20 лет, когда не было квоты, так как число стипендиатов было регламентировано и ограничено. Так же трудно было получить рекомендацию. После этих двух сложных шагов всё равно должность начальника уезда получить было невозможно. Для этого надо было иметь степень *цзиньши*.

Чэнь Юйлян приводит данные по округу Сучжоу как раз для того времени, когда жил Фэн Мэнлун. Общее количество студентов было около 1500 человек. За три года рекомендации смогли получить не более 20 человек. Экзамены на степень *цзюжэня* могли сдать около 30 человек [15, с 6]. У нас нет этнографических или социологических данных о настроениях этой группы людей, но достаточно ясное представление о них можно получить из сборников шуток самого Фэн Мэнлуна. Здесь мы приведем два примера из самого раннего сборника анекдотов «Третий куплет о страстях молодости – Палата смеха» («童痴三弄·笑府», 1615).

Бедный сюцай

Недавно умерший встретился с Владыкой тьмы Мин-ваном. Мин-ван сказал, что в прошлой жизни тот жил слишком уж хорошо. Определил ему в будущей жизни быть сюцаем. И даровал пять сыновей. Адовы служки доложили, что грехи этого человека тяжелы, не должно так благодетельствовать его. Князь тьмы только рассмеялся: «Всего лишь бедный сюцай. Да еще и много сыновей родит. Я просто казню его такой тяжелой жизнью» [22, с. 10].

Тяжелые роды

Один ученый-ши постоянно терпел крах на экзаменах. Жена из-за страданий за него рожала крайне тяжело. После родов спросила мужа, а его занятия так же тяжелы, как роды? Ученый-ши ответил: «У тебя-то в утробе хоть что-то было» [22, с. 9].

Нет ничего хуже, чем объяснять непереводимые каламбуры, но шутка про тяжелые роды достаточно проста и наглядна. Построена она на сопоставлении с устойчивыми выражениями, имеющими смысл «обладать ученостью». В просторечном варианте про ученого человека говорят «полное

⁶ Эта группа *сюцаев*, в отличие от всех остальных, получала казенный кошт. Звание называлось *линшэн* (廩生).

пузо учености» (一肚子学问). Устойчивое выражение, которое на русский язык переводится как «эрудит, ума палата», пословно можно перевести как «полная утроба рассуждений о канонах» (满腹经纶). У ученого из процитированного анекдота «в утробе ничего не было».

Звание *гуниэна* Фэн Мэнлун получил в 57 лет, через год получил должность помощника уездного директора училищ (训导) в Даньту (丹徒). В 1634 году, когда ему исполнился 61 год, получил повышение и был назначен на должность начальника уезда (知县) Шоунин (福建寿宁), где прослужил четыре года, после чего вернулся в Сучжоу. Можно утверждать с достаточной мерой уверенности, что степени *цзиньши* у Фэн Мэнлуна не было, так как при династии Мин публиковались официальные списки выдержавших экзамен на эту должность. Из этого факта можно сделать только один вывод: первая часть пути Фэн Мэнлуна к чиновничьей должности была традиционной, трудной и очень долгой, длилась почти 40 лет, а ее завершение было если и не уникальным, то достаточно редким случаем. Фэн Мэнлун не оставил попыток поступить на государственную должность в 50 лет, хотя формально и имел такую возможность. Скорее всего этот выбор для Фэн Мэнлуна был достаточно трудным: карьерные перспективы были весьма туманны, и он уже был немолод. Судя по тем шуткам, которые он собирал в молодости, наверняка ему приходилось терпеть множество унижений и оскорблений. Здесь тоже можно привести примеры из сборника анекдотов «Палата смеха». Главное действующее лицо в этих шутках – *туниэнь* (童生) – очень молодой ученик, который только начинает свою учебную и чиновничью карьеру и готовится поступить в уездное, окружное или областное училище, чтобы дальше сдавать экзамены на низшую ученую степень *шэньюань* (生员), которую в народе называли *сюцай* (秀才).

Старый туниэнь

Тигр спустился с гор и вернулся обратно. Жаловался, что в брюхе его пусто и голодно. Его подельники спросили: «Разве тебе не встретилось ни одного человека сегодня?» Тигр ответил: «Встретил, но не стал есть». Спросили причину, тигр отвечал: «Сначала попался буддийский монах, от него так сильно несло ядом, не стал есть. Потом встретил сюцай – от него сильно несло кислым запахом бедности, не стал есть. Напоследок встретился мне туниэнь. Этого уж точно есть было нельзя». Спросили, почему он не съел туниэня. Тигр ответил: «Побоялся, что обломаю об него все зубы» [22, с. 7].

Без чиновничьей шапки-гуань

Туниэнь дожил до старости, но так и не обзавелся форменной шапкой-гуань из сетчатой ткани. Чиновник-экзаменатор спросил причину. Тот ответил, что одинок и обездолен, всеми покинут и ткани на форменную шапку достать не может. Чиновник

возразил: «Только у тебя тут целые заросли из усов и бороды. Хватит на целую шапку тканевой сетки сплести». Тунишен ответил: «Эту новую шапку нельзя будет носить, так как ткань получится белой⁷» [22, с. 7].

Для назначения в уезд Шоунин в индивидуальном порядке человека без степени могло быть две причины: либо достаточно долгое время на эту должность не могли найти ни одного кандидата, либо таланты Фэн Мэнлуна были настолько выдающимися, что его вышестоящий начальник посчитал возможным дать ему рекомендацию, на которую из столицы был получен положительный ответ. Результаты управленческой деятельности Фэн Мэнлуна в таком сложном районе, как Шоунин, полностью оправдали данную ему рекомендацию. Он на практике реализовал свое видение идеального чиновника, который позволяет жить на подведомственной территории «без голода, без пиратов, без судебных тяжб» [10, с. 61]. Также он возродил систему народного образования в уезде.

За время службы Фэн Мэнлун показал себя талантливым судьей. Отметим, что в минском Китае эта роль предполагала еще и выполнение функций, аналогичных функциям следователя в современной юридической практике. С одинаковой дотошностью Фэн Мэнлун относился как к серьезным нарушениям закона, так и к мелким гражданским тяжбам, которые требовали неменьшего мастерства в вынесении решения. Ван Лин в качестве примера приводит легенду, которая столетиями бытует в Шуошине:

Земли двух крестьянских хозяйств граничили, поэтому между ними постоянно возникали мелкие конфликты. В один из дней пастухи не уследили, и два буйвола из этих хозяйств подрались, в результате один буйвол был убит, а второй ранен. К старым обидам добавился новый раздор, между сторонами конфликта началась перепалка, переросшая в драку. Если конфликт не разрешить сразу, дальше его будет очень сложно погасить. Как только Фэн Мэнлун узнал об этом, немедленно поспешил на место происшествия, разобрался в ситуации и вынес официальное постановление, в котором говорилось: «Два буйвола подрались. Один убит, второй ранен, убитого разделить поровну и вместе съесть, на раненом вместе пахать землю» [3, с. 5].

В китайской культуре с древности сферами повышенного риска и острой конфликтности считаются война, медицина и судопроизводство. И именно в рамках военной, медицинской и юридической теории сформировался универсальный для всей китайской культуры этический императив – **избежать конфликта любыми способами, нивелировать противоречие до того момента, когда оно перейдет в видимую и неуправляемую форму**. Принцип «обойтись без тяжб» (无讼) впервые упоми-

⁷ В традиционном Китае белый цвет – это цвет траура во время похорон. В повседневной жизни использовался редко.

нается в «Речах и беседах» Конфуция, в главе XII «Янь Юань» (12.13). «Учитель сказал: “Как и другим, мне приходится разбирать тяжбы, но необходимо сделать так, чтобы тяжб не было”» (听讼，吾犹人也，必也使无讼乎) [1, с. 120]. Этим принципом в наше время до сих пор руководствуются в китайских деревнях для разрешения конфликтных ситуаций.

Для того чтобы найти применение своим юридическим талантам, Фэн Мэнлуну не надо было ждать 40 лет, при этом терпеть различные жизненные трудности, унижения и обиды. При поздней династии Мин люди, имевшие подобный ему социальный статус, добывали себе средства на жизнь самыми разными способами, иногда не вполне законными, а иногда и совсем неэтичными. Существовала целая группа так называемых «составителей жалоб» (讼师), которая пополнялась в том числе и за счет грамотных людей, не сдавших экзамены на должность. «Составители жалоб» часто вступали в сговор со служащими суда и обманом выманивали деньги у безграмотных крестьян. Иногда они вмешивались в ход следствия и судебного процесса, запугивали участников и использовали другие махинации, для того чтобы добиться решения в пользу заплатившего им мзду. Их боялись и ненавидели [15, с. 160]. Фэн Мэнлун предпочитал зарабатывать себе средства на жизнь литературным трудом и частным преподаванием.

При всей сложности конфуцианской этической системы основным нравственным императивом для образованного конфуцианца декларировалась необходимость служить государю и народу. Этапы пройденного Фэн Мэнлуном нелегкого жизненного пути характеризуют его как человека идейного, настойчивого и порядочного. Его характеристика из Фунинской местной хроники почти совпадает с идеалом, заданным в «Речах и беседах», глава XIX «Цзы-чжан» (19.6): «Цзыся сказал: Широкая эрудиция и непреклонная воля, пытливость ума и тщательное продумывание – во всём этом содержится человеколюбие» [1, с. 195]. Стремление реализовать на практике идеалы, заложенные классическим конфуцианским образованием в молодости, были основным движущим мотивом его поступков на чиновничьем поприще. Эти идейность и настойчивость определили ход всей его жизни. Разница в тональности двух местных хроник становится относительно понятной.

Остается выяснить, почему в Сучжоуской хронике его назвали «человеком распущенным». Необходимо пояснить, что этот факт по значимости и уникальности должен быть относительно равновеликим литературному таланту Фэн Мэнлуна и его уникальному случаю назначения на должность, иначе бы они не перечислялись хронистами в одном ряду. Как это ни парадоксально, серьезные основания для такой оценки у авторов Сучжоуской местной хроники были.

1.2. Бытовая страгемность в личном опыте Фэн Мэнлуна

После получения степени *сюэя*⁸ Фэн Мэнлун постоянно терпел неудачи на экзаменах. Разочаровавшись в экзаменационной системе, насквозь пораженной коррупцией, он начал проводить всё свое время в «зеленых теремах» (青楼)⁹, влюбился в известную куртизанку Хоу Хуэйцин (侯慧卿), пережил трагический разрыв с ней, так как девушка предпочла выйти замуж за другого. Этот факт можно оценивать исключительно как элемент личной биографии и пережитой несчастной любви, но у него есть и иной культурный подтекст. Во-первых, Фэн Мэнлун был достаточно беден, и выкупить Хоу Хуэйцин всё равно бы не смог. Во-вторых, подобное поведение могло быть демонстративной позой, протестом против традиционных норм и манифестацией личной свободы в проявлении чувств. «Женский вопрос» в последней трети правления династии Мин был весьма болезненным.

Обитательницы «зеленых теремов» по своему социальному статусу относились к «подлому люду» (贱民). Этот статус был закреплен на уровне закона и предполагал поражение во многих гражданских правах, а также серьезное ограничение личных свобод. Их могли свободно продавать, у них не было никакого личного выбора в организации собственной жизни, они не могли по своему желанию сменить род деятельности. Фэн Мэнлун так писал об этих женщинах: *«Бедность и ничтожество – их чурается весь мир. Я тоже избегаю их по этой причине. Можно иметь ничтожное положение, но не быть бедным. И тогда забывают о ничтожности положения. А можно быть бедным, но не ничтожным. Кто тогда осмелится презирать эту бедность? В этом и есть суть современных нравов. Конечно, нет никого беднее нищих- Попрошайек, но и среди них есть почтительные к родителям сыновья. Нет никого презреннее певичек из зеленых теремов, но и среди них встречаются благородные духом. Их стоит увековечить в исторических преданиях, а их слава должна передаваться из уст в уста. Поэтому нельзя чураются бедности и ничтожества. Но над ними можно смеяться»* [22, с. 17]. Кроме собственной красоты, различных талантов, ума и глубокого знания психологии мужчин, иного арсенала борьбы со своим ничтожным положением у этих женщин не было.

В регионе Цзяннань, на родине Фэн Мэнлуна, при поздней династии Мин у образованных людей сформировалась определенная мода на отно-

⁸ Это наименование степени чаще всего встречается в исследовательской литературе на русском языке. Правильное название степени «шэньюань» (生员). Внутри этой группы существовало достаточно сложное деление на подгруппы, статус разных подгрупп отличался как по доходам, так и по возможностям карьерного роста.

⁹ Публичный дом высокого ранга. Обитательницы «зеленых теремов» были хорошо воспитаны и образованны. Их обучали различным видам исполнительского искусства и интеллектуальным играм. «Зеленые терема» также выполняли функции современных эстрадных концертных залов и были центрами, распространявшими модные песни и мелодии.

шения с куртизанками высокого класса. Им посвящали стихи, отношениями с ними гордились. Иногда эта мода приобретала весьма разнузданные формы, как, например, обычай на банкетах пить из туфелек дам легкого поведения. Некоторые даже брали их в жены. Так поступил, например, один из младших друзей Фэн Мэнлуна, известный общественный деятель и литератор Цянь Цяньи (钱谦益, 1582–1664). При существовавшей в те времена в Китае полигамии привести в дом еще одну жену или наложницу не было чем-то из ряда вон выходящим. Скандальность ситуации Цянь Цяньи заключалась в том, что он совершил с известной куртизанкой Люй Жужи (柳如是, 1618–1664) такой свадебный обряд, который допустим только для главной жены (嫡妻). Это была изрядная пощечина общественному мнению и попрание базовых семейных устоев, так как официальная главная жена Цянь Цяньи была еще жива. На этом фоне поступки Фэн Мэнлуна не выглядели бы слишком вызывающими, если бы не дополнительные отягчающие обстоятельства. И оба этих обстоятельства связаны с творчеством и бедностью Фэн Мэнлуна.

В этот период своей жизни Фэн Мэнлун не просто проводит время в «зеленых теремах». Он собирает народные песни, шутки, загадки и издает несколько сборников, содержание которых считалось крайне вульгарным с точки зрения высокой словесности: сборники народных песен «Первый куплет о страстях молодости – Висящие ветви» («童痴一弄·挂枝儿», 1605) и «Второй куплет о страстях молодости – Песни гор» («童痴二弄·山歌», 1610), сборник шуток и анекдотов «Третий куплет о страстях молодости – Палата смеха» в 13 свитках («童痴三弄·笑府», 1615). В 1606 году он издает «Канон игры в карты в тринадцати главах» («牌经十三篇») и «Устойчивые примеры игры в карты-мадяо» («马吊脚例») [4, с. 372–376].

Как заявляет сам Фэн Мэнлун в предисловиях, сборники народных песен предназначались для того, чтобы через описание чувств мужчин и женщин «дать обществу лекарство от конфуцианского догматизма» (名教). Закончилась эта затея совсем не так, как планировалось, и очень печально для Фэн Мэнлуна. И «Висящие ветви», и «Канон игры в карты» пользовались большой популярностью, многие молодые люди читали эти произведения, после увлекались публичными домами или азартными играми, в результате проматывали семейное имущество. Разъяренные родители подали жалобу на Фэн Мэнлуна в местный *ямэнь* и требовали наказания. Негативный общественный резонанс от события был настолько силен, что в конфликт были вовлечены отец и братья Фэн Мэнлуна. Можно предполагать, что этот удар судьбы для него был гораздо более серьезным, чем даже несчастная любовь. Механизм коллективной ответственности широко применялся в минском законодательстве, наказывать могли всю семью. Фэн Мэнлуну ничего не оставалось, кроме как сбежать из Сучжоу в Ухань

за помощью к влиятельному покровителю – известному военачальнику Сюн Тинби (熊廷弼, 1569–1625), прославившемуся защитой северных границ. Сюн Тинби не только помог прекратить начинающуюся тяжбу, но и подарил Фэн Мэнлуну 300 лянов серебром. Это была очень большая сумма, годовое жалование чиновника седьмого класса составляло сорок пять лянов. Эту историю записал цинский литератор Ню Сю (鈕琇, 1644–1704) в сборнике *бици* «Не вошедшее в историю» («觚剩»).

В традиционном Китае распутство и увлечение азартными играми считались самыми страшными пороками не только у последователей ортодоксального конфуцианства. Подобное же отношение существовало и на уровне самых обыденных представлений о достойном и недостойном поведении у самых простых людей. Примерно в то же время, когда жил Фэн Мэнлун, появился анонимный сборник афоризмов «Записи, расширяющие мудрость» («增广贤文»)¹⁰. По содержанию это собрание высказываний, содержащих повседневный бытовой здравый смысл. По жанровой принадлежности «Записи» относятся к элементарной образовательной литературе. Неизвестные составители достаточно категорично утверждали, что *«из бесчисленных пороков распутство стоит на первом месте, среди множества добродетелей сыновья почтительность главенствует»* (万恶淫为首, 百善孝为先) [13, с. 117]. Там же говорится:

*«Два слова, чтобы передать семейное дело потомкам: трудиться и учиться,
Два слова, от чего защищать семью: разбой и мошенничество,
Два слова, губящие семью: разврат и азартные игры,
Два слова, сохраняющие семью: трудолюбие и скромность»* [13, с. 146].

С точки зрения морали того общества, в котором жил Фэн Мэнлун, его увлечение певичками из «зеленых теремов» и картами оценивались не просто как личные пороки. Это были отрицательные качества, способные привести к гибели всю его семью. Именно поэтому в цитате из «Записей, расширяющих мудрость» распутство (淫) противопоставляется сыновьей почтительности (孝), а не какой-то иной добродетели: человек, заботящийся о своих родителях и других домочадцах, не пойдет играть в карты на деньги и не спустит всё состояние в публичном доме. Описание подобных ситуаций есть и творчестве Фэн Мэнлуна:

Азартный игрок

Один человек любил азартные игры. Уже промотал всё семейное имущество. Осталась одна жена. И ее поставил на кон. Несколько бросков костей – и опять проиграл. Но попросил дать ему возможность бросить кости еще раз. Выигравший возмутился, договорились же иметь дела только с залогом. Как тут дать пощаду?

¹⁰ Считается, это «Записки» были составлены во времена правления императора Ваньли, впервые это произведение упоминается в «Пионовой беседе» Тань Сянцзу.

Герок ответил, что есть причина, мол, супружница его до сих пор девственница. Выигравший спросил: как такое возможно? Герок ответил: «Если не веришь, ты меня спроси: с того момента, когда я женился, ночевал ли я хоть одну ночь дома?» [22, с. 59].

Свидетельства пагубного влияния этих пороков есть не только в морализаторской литературе. В годы правления императора Ваньли (1572–1620) Чжан Иньюй (张应俞) составил сборник коротких историй «Новая книга о защите от обмана» (杜骗新书). В качестве главных персонажей в собранных историях выступает сформировавшаяся при поздней Мин маргинальная и полукриминальная группа так называемых «хулиганов» (棍徒). Основное содержание «Новой книги» – описание реальных случаев различного вида мошенничества. В главе седьмой «Обман при вовлечении в азартные игры» (引赌骗) описываются ситуации, главными участниками которых являются отпрыски богатых семей, промотавшие состояния, профессиональные шулера, мошенники и женщины легкого поведения. Из этих описаний видно, что в таких ситуациях действовали организованные шайки, противостоять которым было крайне трудно [14, с. 73–85]. Минское правительство неоднократно издавало законы и указы, запрещающие азартные игры, но их эффективного исполнения добиться никому не удавалось. Еще основатель династии Мин император Чжу Юаньчжан издал указ, запрещающий государевым людям (к этой категории относился и Фэн Мэнлун) посещение публичных домов, за это предусматривалось наказание в виде 80 ударов длинными батогами. Но в последней трети правления династии эти законы мало кто соблюдал. Если учесть все вышеизложенные факты, оценка авторов Сужоусской хроники имеет под собой полные основания. Но именно эти увлечения молодости позволили Фэн Мэнлуну получить богатый опыт (по крайней мере, наблюдения) бытовой стратегичности в ее самом рафинированном виде.

С глубокой древности одним из оснований стратегического мышления в Китае стала идея о возможности слабому противнику победить более сильного за счет применения продуманной стратегии и военной хитрости. Ситуация, в которой находились певички из «зеленых теремов», просто вынуждала их применять различные хитрости и уловки. Есть письменные источники, созданные современниками Фэн Мэнлуна, подтверждающие такое положение дел. В 1616 году были изданы «Рифмованные строки из зеленых теремов», которые составил Чжу Юаньлян (朱元亮) и проиллюстрировал Чжан Мэнчжэн (张梦征). Иногда это произведение просто называли «Канон посетителя публичного дома» («嫖经»). Это был своеобразный учебник по психологии обитательниц «зеленых теремов» и правилам поведения с ними. В том числе в этом «Каноне» давались практические советы, как вести диалог, какие стихи цитировать, как отвечать

на шутки и упреки, как уберечь свой кошелек, чтобы не быть обманутым. В свитке первом говорится:

Хоть мужчины и женщины различны, но стремление к любви у них похоже. Мужчины стремятся к женской красоте, а женщин восхищает мужской ум. Гость и певичка не муж и жена. Но чувства их сходны. Женщины побеждают красотой, а мужчины берут верх изяществом и сообразительностью. Так возникает взаимное страстное влечение.

«Кукушки»¹¹ хотят, чтобы их заведения процветали, вынуждают красавиц применять хитроумные уловки (巧计), хозяева «зеленых теремов» любят деньги, силой заставляют певичек быть коварными (奸心). Предположим, при заурядной осведомленности можно найти образец для подражания, если же они создают искусную ловушку (奇巧机关), то их «вершей и силков» не избежать. Всё это порождается коварной душой и хитрыми планами (奸心巧计). Как же это можно разглядеть обычным взглядом? Если заранее не создать дальновидный стратегический план (运筹), обязательно попадешься к ним в сети [17].

Подобные описания есть и в произведениях самого Фэн Мэнлуна, например, в сборнике стихов «Висящие ветви», в разделе десятом «О разном». В качестве примера приведем подстрочный перевод двух песен из этого раздела.

Певички

Братцы-гуляки, начинающие выходить в «широкий мир», послушайте мои наставления.

Первым делом надо изображать опытность, ни в коем случае нельзя скандалить.

Девки эти хуже настоящих бандитов,

Речи их сладки, а на душе у них горько, но могут и убить без ножа.

Выманят ваше серебро и пойдут любезничать с другими.

Научись сообразительности

Обращаясь среди тех, кто разбирается, отчего бы не научиться у них немного смекалке,

Если хочешь кому-то что-то сказать, нужно выбирать подходящий случай.

Одна прямая извилина в тупой голове никуда не годится.

Нужно вызвать к себе интерес –

К ловкости надо добавить чуть-чуть напускной дурасти.

Если ты не будешь сам флиртовать, обязательно попадешься на чей-нибудь флирт [19].

Певички из «зеленых теремов» за словом в карман не лезли. Чтобы достойно им отвечать, зачастую требовались изрядная сообразительность

¹¹ . Название для содержательницы публичного дома.

и хорошее чувство юмора. По этой причине и появлялись специальные «учебники» для самого широкого круга заинтересованной публики. В противном случае можно было легко остаться в дураках и без денег. Можно привести еще один почти «этнографический» пример из «Палаты смеха»:

Мемориальная стела в конфуцианском училище

В конфуцианском училище обновили беседку с мемориальной стелой. Один ученый-ши привел под ручку певичку посмотреть. Увидел, что стела очень массивная. Хотел разыграть певичку и сказал ей: «Твой отец здесь. Почему не кланяешься?» Певичка сделала положенный церемониальный земной поклон и сказала: «Батюшка мой. Я вижу, что ты так здесь беспомощно застрял. Когда же ты выйдешь из дверей этого учения?» [22, с. 8].

Еще один источник знакомства с бытовой стратегичностью для Фэн Мэнлуна – азартные игры. Некоторые исследователи считают, что прообраз современного *маджонга* придумал именно он. Возможно, для создания «Канона игры в карты» он использовал более уважаемый с точки зрения образованных людей образец – «Канон облавных папшек *вэйци*¹² в тринадцати главах», приписываемый сунскому автору Чжан Ни (张拟), составленный, в свою очередь, как подражание «Военному искусству Сунь-цзы». И *маджонг* (*мадяо*), и *вэйци* требуют определенной стратегии игры, но психологический портрет игрока там совершенно разный. Игра в карты *мадяо* по описанию больше похожа на покер. Чтобы в нее играть, требовалась серьезная выдержка и умение применять различные уловки и хитрости. Вот какие советы для игрока дает Фэн Мэнлун в своем «Каноне карт», главе первой «Рассуждение о качествах характера»:

Не умничай, для начала воспитай характер. Не надо много болтать, в Куньшане¹³ (уезд Сучжоу) говорят: «Карты – это игра с закрытым ртом». Нельзя обходиться без хитрости и находчивости, таких как «распознать закрытые карты», «передернуть карты», «нагло лгать», все это обманывает противника. Нельзя самодуствовать, отказываться от своих устремлений, полагаться на авось, тайно завидовать. Если масть идет – не гордись, если удача изменила – не печалься, при большой победе не «разбойничай», в народе говорят, что разбой в игре ведет к азарту, от этого начинаются споры. В этом красота благородного человека цзюньцзы [21].

Можно воспринимать этот текст как простые рекомендации игроку в карты. Но если обратиться к конфуцианской традиции, обнаружим, что такой психологический профиль описан в трактате «Мэн-цзы», в главе «Гунсунь Чоу», части первой. Речь идет о таком свойстве человека, как «величие духа» (浩然之气), которое необходимо в себе воспитывать. Вели-

¹² Для русскоязычного читателя более привычно японское название этой игры – го.

¹³ Уезд Куньшань в Сучжоу считается родиной игральных карт (叶子牌), на которых изображались герои романа Ши Найяня «Речные заводи».

чие духа, по Мэн-цзы, проистекает из «понимания людских речей» (知言) и умения «не дрогнуть сердцем» (不动心), в результате чего человек становится бесстрашным. Фэн Мэнлун здесь вполне следует императивам конфуцианской традиции, но за карточным столом.

Период с 1593 по 1613 год был полон для Фэн Мэнлуна тяжелыми потрясениями как в личной, так и в общественной жизни: несчастная любовь, неудачи на экзаменах, конфликты с жителями родного края и угроза судебной тяжбы, относительная бедность. В это время он хотя и мог получить определенный личный опыт, связанный с уловками и хитростями в человеческой жизни, но его подход к описанию страгем в это время носит исключительно описательный характер, близкий к «этнографическому». Эти описания не имеют пока ни системного характера, ни идейной основы. Основной движущий мотив для этих описаний – пассивный социальный протест, его эмоциональная составляющая была той же, что и при демонстративном посещении «зеленых теремов».

В этот период жизни у Фэн Мэнлуна тоже уже сформировались неприятие многих реалий жизни современного ему общества и определенный протестный потенциал, который потом найдет себе выход, но это случится немного позже. На этом этапе жизни у него уже была ясная мотивация, но ему не хватало, по всей видимости, подходящей интеллектуальной среды и мыслительных инструментов. Всё это он найдет после того, как по приглашению Тянь Шэнчжи (田生芝) поедет частным учителем в уезд Мачэн, находящийся в границах современной провинции Хубэй. Профессор Гао Хунцзюнь считает, что это произошло в 1618 году [4, с. 379, 380]. Этот переезд не был побегом от личных неприятностей, у Фэн Мэнлуна были очень веские основания принять это приглашение.

Вне зависимости от жизненных неурядиц Фэн Мэнлун проявлял серьезный интерес к исследованию и комментированию канонической летописи «Чуньцю». Комментарии к конфуцианской классике он создавал на протяжении всей жизни и одновременно с произведениями других жанров. До нашего времени сохранились «Ясное как луна разъяснение Канона Цилиня (Чуньцю)» («麟经指月», 1620), «Взвешенное и сохраненное о летописи Чуньцю» («春秋衡库», 1625), «Установленные смыслы и постижение нового в летописи Чуньцю» («春秋定旨参新», 1629). Уезд Мачэн при династии Мин был признанным центром изучения «Чуньцю», сюда приезжали образованные люди со всей страны, чтобы готовиться к экзаменам на должность или заниматься самостоятельными исследованиями. Как отмечали авторы Сучжоусской местной хроники, Фэн Мэнлун хорошо разбирался в канонической литературе. Благодаря знаниям и глубокому пониманию «Чуньцю» в Мачэне у него появился новый обширный круг дру-

зей, близких ему по идейным убеждениям. Со многими из них он и дальше поддерживал тесные личные и творческие контакты.

Территория современной провинции Хубэй в те времена была местом формирования и развития новаторских и даже бунтарских идей в области философии и литературы. С 1583 по 1600 год здесь жил известный философ-вольнодумец Ли Чжи (李贽, 1527–1602). Многие его произведения были написаны в Мачэне. К тому времени, когда Фэн Мэнлун приехал в Мачен, с момента смерти Ли Чжи прошло чуть более 10 лет, многие последователи и ученики, знавшие его, лично были еще живы. Эти обстоятельства позволили Фэн Мэнлуну глубже познакомиться с идеями и творчеством Ли Чжи.

В тот период времени в уезде Гунъянь¹⁴ жили известные литераторы Юань Цзундао (袁宗道, 1560–1600), Юань Хундао (袁宏道, 1568–1610), Юань Чжундао (袁中道, 1570–1626). «Три брата Юань», как их часто называли, стали основателями литературной школы Гунъянь (公安派). Здесь же сформировалась другая новаторская школа – цзинлинская (竟陵派), ее основными представителями были Чжун Син (钟惺, 1574–1624) и Тань Юаньчунь (谭元春, 1586–1637). Представители этих литературных течений противопоставляли себя сторонникам возврата к классическому стилю (复古派). Они отказались от слепого копирования традиционных образцов высокой словесности и застывшей литературной формы, стремились к свободному выражению мыслей и чувств, описанию реальных событий и предметов. Творческая атмосфера в Мачене и близких к нему уездах оказала очень благотворное влияние на творчество Фэн Мэнлуна. Все его произведения, принесшие ему славу и известность, написаны после 1619 года.

2. Критический и конструктивный подход к стратегическому мышлению в творчестве Фэн Мэнлуна

В максимально чистом и структурированном виде стратегическое мышление нашло отражение в «Сумме мудрости» Фэн Мэнлуна. Первая редакция этого произведения вышла в 1626 году, когда ему было 53 года. Дополненную редакцию «Суммы мудрости» он создал в 1634 году, перед самым назначением на должность начальника уезда в Шоунин. На тот момент Фэн Мэнлуну был 61 год.

Тема мудрости в творчестве Фэн Мэнлуна появляется не сразу. Начиная с 1604 года, когда он по просьбе друзей написал первое свое произведение – пьесу *чуаньци* в 36 актах «Повесть о двух героях» («双雄记»), он непрерывно в том или ином ключе ищет корень социальных бед и эффективные способы борьбы с ними. Основной сюжет «Повествования

¹⁴ Уезды Гунъянь и Цзинлин также находились на территории современной провинции Хубэй.

о двух героях» – семейная тяжба о разделе имущества. В пьесе описываются реальные события, произошедшие в Сучжоу. Фэн Мэнлун сам формулирует основную идею пьесы в предисловии: «В этом мире кровные родичи становятся далекими как звезды Шэнь и Шан в большинстве случаев из-за имущества». Начиная с этого произведения, критика существующего общества и поиск способов лечения больных и упадочных нравов становятся программой действий Фэн Мэнлуна на всю оставшуюся жизнь.

2.1. Глупость как социальный стимул рефлексии Фэн Мэнлуна над стратагемным мышлением

Критический настрой естественным образом заставляет Фэн Мэнлуна обратиться к поиску корня социальных бед, существующих в современном ему обществе. Одной из главных причин такого положения дел он считал деятельность конфуцианских ретроградов (迂腐). По мнению Фэн Мэнлуна, это они создали «*большую и слабую Поднебесную*». Этот социальный тип устойчиво фигурирует в его сборниках анекдотов с 1615 года, когда вышла первая редакция «Палаты смеха» в 13 свитках, и до 1621 года, когда окончательно оформляется сборник «Легкомысленные разговоры с древности и до наших дней» («古今谭概») в 36 свитках. О них же он упоминает и в «Сумме мудрости», утверждая, что «*схоласты-невежды (腐儒) вредят государству*».

В «Палате смеха» есть раздел «Догматики-пустышки» (腐流). Про этот сорт людей Фэн Мэнлун писал: «У людей есть вечное слово – “ученые невежды”. Речи их гнилые, они непригодны к государственной службе. А раз непригодны к службе, как же они могут называться “учеными-конфуцианцами”? Среди разного люда в стране на восьмом месте стоят шлюхи, на девятом эти «ученые», а на последнем десятке – нищие-попрошайки. Почему я считаю их хуже шлюх, но лучше нищих? Таковы эти «ученые» в наше время. Пусть они достойны слез и скорби, я считаю, что они просто смешны. Собрал про них отдельный раздел «Догматики-пустышки» [22, с. 7].

В «Легкомысленных разговорах с древности и до наших дней» («古今谭概») в 36 свитках первый раздел называется «Ретрограды и педанты» (迂腐). В предисловии к этому разделу Фэн Мэнлун дает общий комментарий для этого социального типа:

«Из всех дел в Поднебесной таких, которые бы быстро и решительно разрешились прямодушными людьми, крайне мало, упущенных же из-за проволочек косных ретроградов очень много. Почему так? Прямодушные люди всегда небрежны, даже если у них в руках будет такое негодное средство, как свинцовый нож, всё равно они им будут размахивать. А ретрограды и педанты вечно занимаются ерундой и “варят кашу из пыли и похлебку из грязи”, сами при этом думают, что они обладают ученостью, преданностью долгу, прозорливостью и благородством. Того, кто идет против них, счи-

тают порочным, того, кто критикует их, считают клеветником. Они взрастили такую большую и слабую Поднебесную, что нет надежды на возрождение и прозрение. Как это прискорбно! Хотя ханьский канцлер Бин Цзе¹⁵ и сунский Сыма Гуан¹⁶ были великими мудрецами, и про них я выбрал по одному примеру, чтобы показать их нелепость. Что уж говорить про Лян Болуаня¹⁷ и Чэн И¹⁸, они часто впадали в крайности, я их тоже отнес в этот раздел. Я по-настоящему желал бы, чтобы у будущих учеников широко открылись глаза, и они были успешны в своих занятиях; нельзя допустить, чтобы и их считали порочными людьми и клеветниками» [20, с. 1].

Если вспомнить, что в молодости за свои новаторские идеи Фэн Мэнлун чуть не попал в судебную тяжбу, его тон и личная ненависть к догматам и ретроgrадам от конфуцианства становятся очень понятными. Можно также предполагать, что Фэн Мэнлун никогда не был сторонником ригоризма в этике. Такой подход также базируется на конфуцианских ценностях. В «Луньей», главе шестой «Вот Юн...» (6.17) говорится: «Учитель сказал: Если естественность превосходит культуру, то это дикость. Если культура превосходит естественность, то это книжничество. Когда культура и естественность составляют внутренне-внешнюю целостность, вот тогда получается [качество] благородного мужа». Фэн Мэнлун показывает, что догматически следовать каким-то представлениям не просто глупо, в политическом контексте это еще и очень опасно. Образованные люди того времени, прекрасно осведомленные о борьбе разных партий и клик при минских императорах Ваньли и Чунчжэне, хорошо понимали подтекст, заложенный в этих коротких анекдотах. «Крайности», в которые впадал Чэн И, описаны Фэн Мэнлуном так:

Чэн И был назначен на должность учителя императора по каноническим книгам (1085 год). В один из дней он закончил объяснения, но всё никак не уходил. Император внезапно встал, оперся на перила и, играясь, сломал ветку ивы. Чэн И продолжил разглагольствовать: «Сейчас весна, время рождения, нельзя без причины ничего ломать и рвать». Император бросил ветку на землю, сильно рассердился и закончил занятие.

Комментарий Фэн Мэнлуна: Если встретишься с господином Мэном (Мэн-цзы), то и в стремлении к стяжательству и плотским наслаждениям он не найдет ничего страшного. Если же столкнешься с господином Чэном (Чэн И), то и ветку ивы тронуть нельзя. Как это горько! [20, с. 7].

¹⁵ В минской энциклопедии «Юнлэ даянь» известный ученый и каллиграф Цзе Цзинь (解縉, 1369–1415) называет Бин Цзе одним из трех мудрых канцлеров династии Хань.

¹⁶ Составил «Всепроницающее зеркало, управлению помогающее».

¹⁷ Известный отшельник-иньши (隱士) начала династии Восточная Хань, в китайской культуре – пример образцового супруга. Прославился тем, что выбрал в жены толстую и уродливую, но физически сильную женщину Мэн Гуан, с которой удалился в деревню и вел жизнь простого крестьянина.

¹⁸ Известный философ династии Сун вместе с Чжу Си был сторонником учения о принципе (лисюэ).

Какие политические и культурные смыслы заложены в этом фрагменте? Во-первых, надо понимать, что речь здесь идет о сунском императоре Чжэ-цзуне (1085–1100). Когда он взошел на трон, ему было всего 9 лет. Именно тогда Чэн И назначили наставником императора. Описанную в этой истории картину нельзя интерпретировать в ключе «великий философ дает мудрые наставления императору». Фактически здесь нечуткий зануда, которому на этот момент исполнилось 52 года, мучает девятилетнего ребенка непонятными запретами. Во-вторых, время жизни братьев Чэн – это время реформ Ван Аньши и жестокой политической борьбы между разными партиями при императорском дворе, когда противники не брезговали и грязными средствами. При воцарении Чжэ-цзуна партия консерваторов взяла верх. Чэн И до этого назначения постоянно терпел неудачи на экзаменах и никогда не был чиновником, по большей части он занимался частным преподаванием. Место императорского наставника он сразу получил по протекции Сыма Гуана. Молодой император ненавидел его всеми фибрами души и не мог простить даже тогда, когда начал править самостоятельно. Позже Чэн И умудрился оскорбить вдовствующую императрицу-мать и эту должность достаточно быстро потерял. В-третьих, описанная картина очень похожа на современную Фэн Мэнлуна: еще один великий реформатор в истории Китая – канцлер Чжан Цзюйчжэн (张居正, 1525–1582) – был наставником молодого императора Ваньли. Император Ваньли тоже в девятилетнем возрасте взошел на трон и много натерпелся от своего учителя. Прижизненная карьера Чжан Цзюйчжэна от этого не пострадала, но после его смерти император нашел повод свести с ним счеты, благо ненавистников у Чжан Цзюйчжэна было множество. Император Ваньли посмертно лишил его всех титулов и званий, а потом провел конфискацию имущества его семьи. В процессе конфискации 17 человек из семьи Чжан Цзюйчжэна, включая трех грудных детей, просто умерли от голода. Эти события происходили в 1582–1584 годах, минское общество времен жизни Фэн Мэнлуна еще хорошо всё это помнило, прошло чуть менее 40 лет.

По сравнению с «Палатой смеха», в «Легкомысленных разговорах» Фэн Мэнлун усложняет описание глупости как социального порока. Кроме догматизма и ретроградства среди последователей конфуцианства, социально вредным явлением он считает глупость абсолютно во всех ее проявлениях. Кроме первой главы «Ретрограды и педанты» (迂腐), в которой причиной глупости называется косность мышления и узость взгляда на мир, есть еще глава четвертая «Тупые болваны» (专愚). В главах «Безумная увлеченность» (痴绝) и «Безумная пристрастность» (痴嗜) приводятся примеры глупости, имеющей сугубо эмоциональную природу, когда человек из-за страстного увлечения чем-то теряет рассудок. В первом случае это увлечение ве-

цами странными, во втором – вредными. В главах «Заблуждения» (谬误) и «Бестолковость» (无术) описывается глупость, основанная на неверных знаниях или полном их отсутствии. Фэн Мэнлун хорошо понимал, что с таким явлением, как глупость вне зависимости от природы ее происхождения, бороться стандартными средствами невозможно. Вот пример из главы «Тупые болванья»:

Большая жаба вместо лошади

Легендарный знаток лошадей Бо Лэ отправил своего сына найти лошадь по рисункам из своего «Канона лошадей». За год тот ничего похожего не нашел. Продолжил поиски и нашел большую жабу: «Нашел лошадь, «лоб высокий, глаза навывкате, спина короткая и изогнутая»¹⁹. Только копыта не похожи. И прыгает постоянно». Бо Лэ рассмеялся: «Эта лошадь любит прыгать, но скакать на ней невозможно» [20, с. 136].

Глупость, какого бы происхождения она ни была, не является преступлением с точки зрения закона и грехом с точки зрения нравственности. Но как распространенное социальное явление, по мнению Фэн Мэнлуна, она приносит гораздо больше бед, чем безнравственное поведение или даже преступления. Поэтому как с точки зрения соблюдения законов, так и с точки зрения следования нравственным императивам средства борьбы с глупостью нужно искать в «серой зоне», не подвластной ни закону, ни этике. Судя по всему, Фэн Мэнлун следовал именно такой логике рассуждения. Доказательством этого может служить наличие в «Легкомысленных разговорах» нескольких глав, в которых описываются разные уловки и хитрости: «Коварная мудрость» (谲智), «Ловкая изворотливость» (僇弄), «Моментальная сообразительность» (机警). Вот один из наиболее ярких примеров из главы «Коварная мудрость»:

Заглотил огненные мощи (шарифу)

При династии Тан в Лояне жил буддийский монах, у которого имелось несколько шариф²⁰. Мощи эти он хранил в стеклянном сосуде. Днем и ночью он воскурял благовония и поклонялся этим святыням, ни на день не прерывался. Был один бедный, но нахальный ученый-ши, из-за святынь пришел к монаху и попросил показать шарифы. Монах достал стеклянный сосуд и передал тому. Этот нахал немедленно достал мощи и тут же заглотил их. Монах был в смятении и не знал, что делать. Да к тому же боялся, что об этом узнают другие. А нахал сказал: «Дай мне денег, я приму лекарство, святыни твои и выйдут». Монах дал ему две связки монет, тот сразу же выпил слабительное из клещевины и исторг святыни естественным путем. Монах радостно отмыл и припрятал возвращенные шарифы [20, с. 663].

¹⁹ Возможная цитата из «Канона лошадей». По смыслу всего анекдота можно понять, что сын говорит отцу, что нашел нечто похожее на то описание, которое тот сделал.

²⁰ Кристаллообразные мощи буддийских святых, часто в виде шарика. Остаются после сожжения тела. Почитаются буддистами как святыни.

При составлении сборников анекдотов и классификаций к ним Фэн Мэнлуан проделал очень серьезную терминологическую и идейную работу. Для обозначения различных видов хитрости, коварства, уловок, обмана в китайском языке существует огромный набор синонимов. Но для описания подобных проделок Фэн Мэнлуану нужны были нейтральные слова, которые не были бы маркированы ни с точки зрения этики, ни с точки зрения уголовного законодательства, ни с точки зрения политического дискурса.

Для выбора подходящего слова Фэн Мэнлуан в философском плане делает тот же шаг, что до него сделали Ван Янмин и последователи тайчжю-усской школы. Исходя из идеи об отсутствии отличий между совершенно мудрыми и простыми людьми, он разрывает идейную связь одной из фундаментальных категорий конфуцианской этики «мудрость» (智) с представлениями о благородном человеке *цзюньцзы*. В предисловии к главе «Коварная мудрость» он говорит: *«Мудрость в сердце человека подобна свету от солнца и луны. Свет ее освещает прах и грязь, проникает в извилистые впадины. Мудрость не отменяет коварства, но бывает доброй и недоброй в зависимости от целей, разница лишь в этом. Низкий человек с ее помощью проявит хитрость и изворотливость, а благородный человек – ясность ума. Всё это – движения души, а душа дана только людям. Нельзя говорить, что мудрость присуща только благородному мужу, а коварство – мелкому человеку»* [20, с. 650].

Сборники анекдотов отражают критическую идейную программу Фэн Мэнлуана. В качестве средства от глупости, этого серьезного социального зла, Фэн Мэнлуан противопоставляет «пределной тупости» (专愚) «коварную мудрость» (谲智) как единственно возможное средство в безысходной ситуации. Терминологическим изобретением Фэн Мэнлуана нельзя не восхищаться. Иероглиф 谲 *цзюэ* имеет значения «лживый, обманный, ложный, фальшивый, хитрый, коварный» (например, в биноме со значением «коварная стратагема» (谲略)). Вторая группа значений этого иероглифа – «причудливый, разнообразный» (например, в биноме «причудливые изменения» (谲变)). Фэн Мэнлуан понимал, что стратагемность имеет двойственную природу и плохо поддается описанию, в ранних произведениях ему удалось осознать эту проблему. Но именно осознание всей остроты и сложности этой проблемы, к тому же еще и терминологически изящно оформленное, позволит ему в дальнейшем создать развернутое описание мудрости как значимого социального явления.

2.1. Категория «мудрость» и конструктивный подход к рефлексии над стратагемным мышлением на примере «Суммы мудрости» Фэн Мэнлуана

Конструктивная идейная программа Фэн Мэнлуана представлена в «Сумме мудрости» («智囊», 1626), «Истории чувств, изложенной по родам»

(«情史类略», 1629) и дополненной редакции «Суммы мудрости» («智囊补», 1634).

После переезда в Мачэн в 1619 году идейное содержание произведений Фэн Мэнлуна серьезно трансформируется. Можно предположить, что в это время его больше занимает не критика социальных пороков, а поиск эффективных способов и методов исправления упадочных нравов. На формирование его позитивной идейной программы большое влияние оказало философское учение Ван Янмина (1472–1529). Фэн Мэнлун был лично знаком с его последователями и воспринял некоторые идеи этой школы. Наибольшую приверженность он проявил к идее исключительно личной ответственности человека за свое нравственное состояние и необходимости напряженной внутренней работы над собой. В предисловии к «Слову доступному, мир предостерегающему» он писал: *«Шесть канонов, “Дунъюй”, “Мэн-цзы” – вроде бы все говорят о разном, но всё в итоге возвращается к побуждению быть преданными слугами государю, почтительными детьми для своих родителей, мудрыми пастырями для народа, преданными мужьями, целомудренными женами, образованными ши²¹, возвращающими в себе добродетель, и людьми, накапливающими благие деяния»²²* [4, с. 82, 83].

В отличие от Ван Янмина, Фэн Мэнлун основой добродетельной личной жизни человека и, как следствие, правильного устройства общества считал человеческие чувства (情). В «Истории чувств» Фэн Мэнлун описывает идеальный вариант организации внутреннего мира человека и его эмоциональной жизни. В предисловии Фэн Мэнлун поясняет, что *«по их действию все чувства можно распознать, так и собраны [истории]. Начал с раздела “Добродетель в чувствах”, чтобы побуждать людей быть праведными, продолжил разделом “Судьба в чувствах”, чтобы люди знали о предопределении, разделы “Тайные чувства” и “Любовь” для того, чтобы доставить им радость, разделы “Ненависть” и “Сожаления” для того, чтобы вызвать их гнев, ... раздел “Ростки чувств” вовсе не для того, чтобы опорочить совершенномудрых, а в разделе “Удивительное в чувствах” не посмел опорочить духов и чертей»* [23, с. 7]. Таким образом, классификация практически задает определение понятия «чувство» через максимально полный перечень его признаков в виде примеров.

В «Истории чувств» Фэн Мэнлун также создает собственную классификацию идеальных типов людей. Основанием для этой классификации

²¹ В русском языке нет адекватного названия для сословия ши. Иногда их называют «сословие служилых». В традиционном Китае в эту достаточно разнородную группу людей входили сановники высоких рангов, чиновники более низких уровней, образованные люди и люди, получающие классическое конфуцианское образование. Общим признаком для этого сословия было отношение к службе в различных государственных структурах. Люди, которые обозначаются иероглифом ши (士), или занимали какую-то чиновничью должность, либо стремились ее занять.

²² Здесь и далее по всему тексту статьи переводы автора выделены курсивом.

является разная организация внутреннего мира человека сугубо в пределах его личного сознания. «Путешествие души» во время сна является исключительно личным достоянием человека, им нельзя поделиться ни с кем другим. Именно поэтому Фэн Мэнлун поместил эту классификацию в главу «Сны и грезы»: *«У совершенного человека (至人) нет снов, его чувства утрачены, его души-хунь безмятежны. У предельного глупца (下愚) тоже нет снов, его чувства глупы, его души-хунь мертвы. У обычного человека (常人) снов много, чувства его хаотичны, души-хунь в смятении. У необычного человека (畸人) сны странные, его чувства сосредоточены на одном, его души чисты»* [23, с. 269]. Необходимо отметить, что и здесь идеалу «совершенного человека» (至人) противопоставляется «предельный глупец» (下愚), а не негодай, злодей или бандит. И даже не мелкий человек как антипод благородного человека *цзюньцзы* в конфуцианстве.

В «Сумме мудрости» изложена конструктивная социальная программа Фэн Мэнлуна. Мудрость, по его мнению, является основным фактором, определяющим успешность отдельного человека, различных социальных групп; она даже может быть определяющим фактором воцарения или падения целых династий: *«Мудрость используется людьми, словно вода орошает землю. Когда на поверхности земли есть впадины – вода скапливается в них, когда людские дела вмещают – мудрость переполняет их. Среди множества поражений и побед с древности и до наших дней нет ни одного события, не соответствующего этому принципу. Как его пояснить? В древности сяский Цзе и шанский Чжоу были глупы, а шанский Чэн-тан и чжоусский У-ван – мудры. Шесть царств – глупы, а царство Цинь было мудрым; царство Чу было глупым, а Хань – мудрым, династия Суй – глупой, а династия Тан – мудрой; династия Сун – глупой, а династия Юань – мудрой. Но династия Юань вела себя глупо, а Великий предок династии [Мин] – мудро. Великие и мелкие события сходны»* [24, с. 1271].

В «Сумме мудрости» Фэн Мэнлун использует ту же модель категоризации, что и в «Легких разговорах», описывая добродетели в отрыве от того типа идеальной личности, которому эта добродетель присуща: *«Я оцениваю мудрость, а не людей, не только лишь людей, а их дела, не только их дела, но и их мудрость, даже если это коварные разбойники и бандиты. Разве не будет описание каждого из них такими же ядовитыми снадобьями, как селитра или молочай, в моей корзине для лекарств?»* [24, с. 1272].

В отличие от утвердительного тона остальных произведений, общее предисловие Фэн Мэнлуна к «Сумме мудрости» и многие пояснения к главам построены в виде диалога, где второй собеседник отсутствует. По всей очевидности, аргументы, которые приводит Фэн Мэнлун, ему приходилось приводить не один раз. Здесь уже на философском уровне Фэн Мэнлун продолжает спор с так ненавистными ему «конфуцианскими ретроградами».

Чжу Си утверждал, что человеколюбие содержит все основные добродетели: *«Долг, ритуал, мудрость – все это содержится в человеколюбии. Если понять этот принцип, то в тех местах, где совершенномудрые говорили о человеколюбии, неважно, шла ли речь о делах или людях, везде присутствует этот аргумент»* [16]. Чтобы быть убедительным для самой широкой аудитории, Фэн Мэнлуан в описании мудрости меняет сравнение с солнечным светом на сравнение с водой. Таким изящным способом он переносит решение вопроса о социальной роли мудрости во всем понятную традиционную для китайской философии дискуссию о характере природы человека. Впервые идею о доброй природе человека в таком виде сформулировал Мэн-цзы. *«Стремление природы человека к добру подобно стремлению воды течь вниз. Среди людей нет таких, которые бы не стремились к добру, [так же как] нет такой воды, которая не стремилась бы [течь] вниз»* («Мэн-цзы», глава «Гао-цзы», часть первая) [2, с. 243]. Сравнение природы человека с водой было очень популярно среди конфуцианских философов, его использовали и последователи неоконфуцианства, в том числе Чжан Цзай, Чжу Си и братья Чэн. Фэн Мэнлуан также пользуется этой метафорой, но безотносительно к проблеме добра и зла человеческой природы: *Фэн-цзы говорит: «Человек должен обладать мудростью, так же как в земле должна быть вода. Земля без воды становится выжженной пустыней, человек же без мудрости подобен ходячему трупу...»*

Мудрость подобна воде; когда она сокрыта в земле – это исконная природа, когда роют колодезь и выпускают ее – это обучение. Вода из скважин и источников наполняет великие реки Янцзы и Хуанхэ. Я беспокоюсь о том, что человеческая природа заточена в земле и камнях, поэтому речи, записанные на бумаге, используют как корзину и лопату; только так можно приспособиться к требованиям века [24, с. 1271].

От всех остальных анализируемых сборников «Сумма мудрости» принципиально отличается наличием одной большой главы, посвященной войне и военному делу. Это глава восьмая «Военная мудрость» (兵智). В традиционном конфуцианстве, начиная с Мэн-цзы, мудрость понимается как способность различать добро и зло. В традиции военной философии развивалось иное понятие мудрости. Сунь-цзы считал, что высшая мудрость – умение применять шпионов. Начиная с династии Сун, гражданские чиновники и конфуцианские книжники начинают активно изучать и комментировать военные трактаты, в том числе каноническое «Семиканоние». Эта тенденция только укрепилась при династии Мин. В созданной при династии Сун официальной компиляции «Главное и важное в военном каноне» («武经总要») в разделе «Должность полководца» мудрость понимается как «способность быть изобретательным, уметь составлять хитрые планы, понимать и чутко реагировать на изменяющуюся обстановку»

(智者, 能机权, 识通变也). По своей сути эта интерпретация категории «мудрость» схожа с пониманием «коварной мудрости» у Фэн Мэнлуна (潘智) в сборниках анекдотов.

В общем предисловии к главе «Военная мудрость» Фэн Мэнлун дает развернутый комментарий именно к такому пониманию мудрости:

«Преданный и Воинственный Юэ-гун (Юэ Фэй), рассуждая о войне, говорил: “Человеколюбие, мудрость, честность, отвага, строгость – нельзя допустить, чтобы что-то отсутствовало у полководца”. Я же, убогий, считаю, что отсутствие у него мудрости – хуже всего. Мудрость в знании. Мудрый понимает, что такое человеколюбие, честность, отвага и строгость. Для полководца все беды от незнания...»

Некоторые терпели поражение, проявляя человеколюбие, честность, отвагу и строгость. А некоторые побеждали, проявляя жестокость, коварство, попустительское и трусость. В чем же тут причина? Разница только в наличии или отсутствии мудрости! Если глупость столкнется с мудростью – мудрость победит, если обычная мудрость столкнется с высшей мудростью, победит высшая. Поэтому одни побеждают не сражаясь, другие одерживают победы во всех войнах, одни побеждают честно и открыто, другие – обманом и хитростью, одни побеждают, изобретая новое, другие – подражая древнему военному искусству.

Удобное время, преимущества местности, положение противника – всё находится в постоянных изменениях, поэтому приходится изменяться согласно обстоятельствам. Кто использует обстоятельства – добивается победы этим умением...»

Преданный и Воинственный Юэ-гун (Юэ Фэй) говорил: “Мастерство в применении военного искусства требует погружения в него всем сердцем”. В разделе “Военные истории” и описаны следы такого применения. Конфуцианцы пренебрегают рассуждениями о военном искусстве, и с ними действительно невозможно говорить об этом. Рассуждая о военном искусстве, конфуцианцы гнушаются коварства; мудрый же, рассуждая о военном искусстве, боится, что не придумает коварного плана. Только обладающие коварством могут вести войну, а те, кто ведет войну, ни за что не смогут обойтись без коварства» [24, с. 912].

«Сумма мудрости» представляет собой структурно сложное произведение. Это двухуровневая классификация, основанием для которой выступает универсальная для китайской философии категория «мудрость». Всё произведение разделено на 10 глав в соответствии с разновидностями мудрости, которые выстроены в иерархию от «Высшей мудрости» до «Низкосортной мудрости», по принципу «от лучшего к худшему». В каждой главе выделяется от двух до четырех подразделов, которые названы в соответствии с мыслительным или деятельностным императивом. Каждый из подразделов содержит отдельные и законченные по смыслу описания фактов применения стратагем. Полный перевод содержания «Суммы мудрости» представлен в табличном виде ниже.

Название главы		Название подразделов в главах	
1 上智	«Высшая мудрость»	见大	«Видеть великое»
		远犹	«Планировать надолго»
		通简	«Упрощать сложное»
		迎刃	«Решать стремительно»
2 明智	«Ясная мудрость»	知微	«Распознавать ничтожно малое»
		亿中	«Безошибочно предвидеть»
		剖疑	«Разрешать сомнения»
		经务	«Понимать дух времени»
3 察智	«Проницательная мудрость»	得情	«Узнавать правду»
		诘奸	«Распознавать порочных людей»
4 胆智	«Отважная мудрость»	威克	«Величественные победы»
		识断	«Прозорливые решения»
5 术智	«Искусная мудрость»	委蛇	«Напускная уступчивость»
		谬数	«Искусное притворство»
		权奇	«Взвешенный хитрый маневр»
6 捷智	«Стремительная мудрость»	灵变	«Гибко подстраиваться»
		应卒	«Справляться с неожиданностями»
		敏悟	«Чутко воспринимать»
7 语智	«Красноречивая мудрость»	辩才	«Талантливые рассуждения»
		善言	«Благие речи»
8 兵智	«Военная мудрость»	不战	«Победить не сражаясь»
		制胜	«Создать победу»
		诡道	«Путь коварства»
		武案	«Военные истории»
9 闺智	«Женская мудрость»	贤哲	«Мудрые женщины»
		雄略	«Отважные и дальновидные женщины»
10 杂智	«Низкосортная мудрость»	狡黠	«Коварство»
		小惠	«Мелочное умствование»

Для правильного понимания характера стратегического мышления, нашедшего отражение в творчестве Фэн Мэнлуна, крайне важно ответить на вопрос: что было первичным, классификация или примеры? Шел ли Фэн Мэнлун от обобщения опыта социальной практики применения стратегий или подбирал примеры под готовую доктрину? Проведенный выше анализ сборников анекдотов позволяет обоснованно утверждать, что Фэн Мэнлун изначально не придумывал никакой общей классификации и не ставил специальной цели описать мудрость во всех ее проявлениях, в том числе и в виде стратегий. Один и тот же мотив или сюжет может встре-

тяться в разных произведениях Фэн Мэнлуна и в зависимости от контекста и комментария может интерпретироваться по-разному. В качестве примера возьмем историю про Хай Жуя, которую Фэн Мэнлун сначала включил в сборник «Легкомысленные разговоры с древности и до наших дней», раздел «Коварная мудрость». Хай Жуи (海瑞, 1514–1587) был человеком кристально честным и крайне принципиальным. Он был убежденным сторонником конфуцианства и неподкупным чиновником. За свою честность в народе он получил прозвище «Хай – Ясное небо» (海青天), а коллеги-чиновники его прозвали «Хай – Жесткий пик» (海刚峰) за принципиальность и прямолинейность. Даже таким чиновникам стратагема нужны были, во-первых, чтобы уберечься от наветов и клеветы, а во-вторых, чтобы просто добросовестно выполнить свои прямые обязанности в условиях повальной деградации управленческой этики.

Один ревизор по высочайшему повелению (御史) обнаружил нарушения у подчиненного начальника уезда (县令). Начальник уезда тайно отправил своего любимца к ревизору прислуживать, ревизор сблизился с тем. А посланный воспользовался случаем и украл ревизорскую печать из шкатулки. Ревизор обнаружил пропажу, заподозрил начальника уезда, но не осмелился громко об этом заявить, назвался больным и не стал заниматься делами. Поговаривали, что был там заведующий вопросами просвещения в уезде (教諭), обладающий большими талантами. Под предлогом справиться о здоровье ревизор подозвал его к своему ложу и спросил совета. Ревизору был предложен способ – поджечь ночью кухню, когда пламя от пожара ярко разгорится в ночи, начальник уезда обязательно придет спасать. Когда начальник уезда прибыл, ревизор отдал ему пустую шкатулку с печатью и приказал всем присутствующим охранять ее. Когда огонь погасили, начальник уезда вернул шкатулку, ревизорская печать была там. Некоторые говорят, что этим заведующим просвещением был Хай Жуи, но это не совсем точно.

Комментарий Фэн Мэнлуна: у того, кто в минуту безысходности, когда «горы рушатся, а воды иссякают», внезапно может увидеть горы Тяньтайшань и Яньданишань, озера Дунтинху и Поянху, душа широка настолько, как если бы там десять тысяч мер жемчугов были рассыпаны по огромному блюду [24, 778].

Со временем у Фэн Мэнлуна произошло изменение этического вектора оценки. В 1619 году²³ он оценивал эту ловкую проделку как смесь мудрости и коварства, так как у него не было достаточных идейных оснований для иного понимания и оценки этого события. В 1626 году он без каких-либо текстологических изменений в «Сумме мудрости» отнесет эту историю в главу шестую «Стремительная мудрость», подраздел «Гибко подстраиваться». В общем комментарии к этому подразделу говорится: «В ста сражениях

²³ В этот год Фэн Мэнлун собрал «Анекдоты древности и наших дней» («古今笑») в 36 свитках, это произведение дальше сменит название на «Легкомысленные разговоры с древности и до наших дней» («古今譚概») 1623.

за один день [граница] между победой и поражением тонка как волос. Боевую колесницу строят три года, а разрушена она может быть в любой момент. Как избежать беды и превратить ее в счастье, сложно представить. Для этого и собраны истории о том, как гибко подстраиваться под обстоятельства» [24, с. 736].

Для правильного понимания характера стратегического мышления, нашедшего отражение в «Сумме мудрости», необходимо отметить еще одну важную характеристику технологии работы с языком описания стратегических прецедентов, которую использует Фэн Мэнлун. Создается впечатление, что это описания каких-то исторических фактов, достоверность которых не подвергается сомнению. Часть историй действительно такова, это события, произошедшие с современниками Фэн Мэнлуна, как, например, процитированная выше история про Хай Жуя. Но для большей части содержания «Суммы мудрости» это не так.

Фэн Мэнлун много лет посвятил изучению канонической летописи «Чуньцю» и мастерски владел так называемым «стилем Чуньцю» (春秋笔). Этот функциональный стиль требовал минимальными средствами выразить полноту смысла (微言大义), одним словом воздать хулу и похвалу персонажу или событию (褒贬) и умолчать о том, о чем надо умолчать (留白). Основным смыслом использования «стиля Чуньцю» – не зафиксировать максимально точно и объективно само событие, а показать его нравственный смысл. Именно эту технику описания Фэн Мэнлун применяет в «Сумме мудрости». В качестве примера возьмем известный еще с древности сюжет «Конфуций потерял лошадь», впервые в письменном виде зафиксированный в «Веснах и осенях господина Люя». Сюжетная линия истории сохранена, но смысл в нее Фэн Мэнлун за счет собственного комментария вложил иной, нежели в первоисточнике:

«Конфуций путешествовал. Лошадь сбегала есть посева. Крестьянин разгневался, захватил его лошадь. Цзы-гун отправился разговаривать с ним, почтительные слова не дали результата. Конфуций сказал: уговаривать человека словами, которые он не может понять, всё равно что кормить диких зверей мясом жертвенного быка, а мелодиями «Цзюшао» веселить летающих птиц! После отправил конюха, который сказал крестьянину: “Ты никогда не пахал землю у Восточного моря, а я не был у Западного, откуда моя лошадь знает, что нельзя есть твои посева?” Крестьянин обрадовался, развязал лошадь и отпустил.

Комментарий Фэн Мэнлуна: люди схожи по родам. Из-за того, что читают “Шицзин” и “Шуцзин” человеку в поле, схоласты-невежды (腐儒) вредят государству. Слова конюха честны, но если бы их говорил Цзы-гун, крестьянин не поверил бы. Почему? Внешне и внутренне они сильно разнятся, духом далеки. Почему Конфуций сразу не послал конюха, а слушал Цзы-гуна? Если сразу послать конюха, Цзы-гун не придаст значения. А так и Цзы-гун понял, и конюх гордится. Совершенно мудрый понимает чувства людей и может их успешно использовать, позже людей ограничили пи-

санным законом, положением, оценивают по внешним достоинствам, как же возможен успех в делах в Поднебесной?» [24, 6].

Об ином смысле, вкладываемом в этот сюжет, говорит и общее предисловие к разделу «Видеть великое», в который помещена эта история. Мыслительная технология, которую хочет показать Фэн Мэнлуи, описана в предисловии: *«Каждый раз каждым маневром [эти люди] превосходят ожидания других. Простых людей это удивляет, а выдающиеся понимают, в чем дело. Собранные здесь называются “Видеть великое” – как увидеть большое в малом» [24, с. 2].* По сути же этот сюжет является проявлением высшей мудрости, так называется вся глава.

Проведенный в статье анализ биографии Фэн Мэнлуна позволяет подтвердить гипотезу о том, что в китайской культуре стратагемное мышление может существовать в рамках достаточно жесткой этической системы. Бытовая стратагемность, которую Фэн Мэнлуи наблюдал лично, создала основу для оценки им мудрости и глупости как значимых социальных факторов.

Анализ биографии Фэн Мэнлуна позволяет подтвердить гипотезу, что в китайской культуре стратагемное мышление ограничено рамками конфуцианской этической системы, которая, с одной стороны, не поощряет применение стратагем, но, с другой стороны, и не запрещает его. Анализ структуры и содержания «Суммы мудрости» позволяет доказать, что стратагемное мышление – это разновидность мышления практического и образно-ассоциативного, которое не разрушает этические рамки, но показывает приемлемый выход в «серую зону» этики. Описание стратагем в «Сумме мудрости» базируется на традиционных конфуцианских ценностях, но при этом задает поливариантность планируемого действия.

Литература

1. *Конфуций. Суждения и беседы «Лунь юй» / науч. пер. с кит. и коммент.* Лукьянова А.Е. – М.: Шанс, 2021. – 207 с.
2. «Мэн-цзы» // Древнекитайская философия: собрание текстов: в 2 т. – М.: Мысль, 1972. – Т. 1. – С. 225–248.
3. Ван Лин. Фэн Мэнлуи ши цзянь «ши у сун» дэ цзячжи [Ценность принципа «не допустить тяжбы» в практике Фэн Мэнлуна] // Правоведение в провинции Фуцзянь. – 2015. – № 2 (122). – С. 3–6. – На кит. яз.
4. Гао Хунцзюнь. Фэн Мэнлуи цзи цзяньчжу [Комментарии и толкования к полному собранию сочинений Фэн Мэнлуна]. – Тяньцзин: Тяньцзиньское изд-во древней литературы, 2006. – 435 с. – На кит. яз.
5. Кто он, хороший чиновник, которого много раз хвалил Председатель Си Цзиньпин? // Сайт для членов КПК. – URL: <https://www.12371.cn/2019/10/10/ART11570699798282230.shtml> (дата обращения: 16.08.2023). – На кит. яз.

6. *Ли Юйхуэй, Го Ци*. Истории, рассказанные Председателем Си Цзиньпином: хороший чиновник Фэн Мэнлун // Национальное радио Китая (CNR): сайт. – URL: http://news.cnr.cn/native/gd/20191009/t20191009_524808347.shtml (дата обращения: 16.08.2023). – На кит. яз.

7. Истории Председателя Си Цзиньпина о чтении книг // Правительство Китайской Народной Республики: сайт. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-04/22/content_5686745.htm (дата обращения: 16.08.2023). – На кит. яз.

8. *Лю Тяньчжэнь, Ли Цзинь*. Ванмин чжишудэ цзинши цзиншэнь юй вэньши цинхуай [Дух управления миром в позднеминских «Книгах мудрости» и настроения образованных людей] // Китайский научный еженедельник по социальным наукам. – 2016. – № 5 (11 июля). – С. 1–2. – На кит. яз.

9. President Xi Jinping recalls love of literature and his favorite books // Website of the China Global Television Network (CGTN). – URL: https://news.cgtn.com/news/3d63444d7a597a6333566d54/share_p.html (accessed 16.08.2023).

10. *Сунь Юэся, Ли Вэйго*. Сыцзай Шоунин лю чжэнци. Сяньшэн циду ши вэньхао – Идай вэньхао Фэн Мэнлун дэ вэйгуань «Юйши минъянь» [Четыре года управленческих достижений в уезде Шоунин: Господин не только великий писатель – чиновнице «Слово ясное, мир наставляющее» великого писателя эпохи Фэн Мэнлуна] // Журнал Всекитайского комитета по надзору за соблюдением законности и дисциплинарным расследованиям. – 2018. – № 20. – С. 61–62. – На кит. яз.

11. *Ся Сяньчунь*. Люэлунь минвэй чжишу [Коротко о «Книгах мудрости» конца периода правления династии Мин] // Ученые записки Политехнического университета г. Чанша. Серия: Общественные науки. – 1993. – № 1. – С. 83–85. – На кит. яз.

12. *Цзи Юнь*. Сыку цюаньшу цзунму тияо [«Аннотации к общему каталогу “Полного [собрания] книг четырех хранилищ”»]. – Шицзячжуан: Хэбэйское народное изд-во, 2006. – 5634 с. – На кит. яз.

13. Цзэн гуан сяньвэнь [Записи, расширяющие мудрость]. – Пекин: Изд-во Университета междунар. бизнеса и экономики, 2006. – 380 с. – На кит. яз.

14. *Чжан Инъюй*. Цзянху цивэй дупянь синьшу [Необычные случаи с «рек и озер» – Новая книга о защите от обмана]. – Тайюань: Шаньсийское изд-во древней литературы, 2006. – 358 с. – На кит. яз.

15. *Чжао И, У Ся*. Миндай цзицэн шижэнь чжун дэ ланпао даван – чуаньтун шижэнь дэ бэйпаньчжэ [«Атаманы в синих халатах» среди простых ученых династии Мин – предатели духа традиционных ученых] // Ученые записки Юго-Западного университета. Серия: Социальные науки. – 2020. – № 2. – С. 154–162. – На кит. яз.

16. *Чжу Си*. Чжуцзы юйлэй [Собрание изречений Чжу Си, скомпилированных по родам] // Chinese Text Project: сайт. – URL: <https://ctext.org/zhuzi-yulei/zhs> (дата обращения: 16.08.2023). – На кит. яз.

17. *Чжу Юаньлян*. Цинлоу цзюньюй [Рифмованные строки из зеленых теремов] // Chinese Text Project: сайт. – URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=702207&remap=gb> (дата обращения: 16.08.2023). – На кит. яз.

18. Чэнь Юйлян. Миндай шэньгюаньцэндэ жэньцзинь чжи ту [Карьерный путь учащихся *шэньгюань* при династии Мин] // Аньхойская историография. – 2002. – № 4. – С. 2–10. – На кит. яз.
19. Фэн Мэнлун. Гуа чжи [Висящие ветви] // Китайская коллекция классики: сайт. – URL: <https://www.zhonghuadiancang.com/shicixiqu/guazhier/> (дата обращения: 16.08.2023). – На кит. яз.
20. Фэн Мэнлун. Гуцзинь таньгай [Легкомысленные разговоры с древности и до наших дней]. – Тяньцзинь: Тяньцзиньское изд-во древней литературы, 2006. – 1258 с. – На кит. яз.
21. Фэн Мэнлун. Пай цзин [Канон карт] // Викитека: сайт. – URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/牌經十三篇> (дата обращения: 14.08.2023) – На кит. яз.
22. Фэн Мэнлун. Сяо фу [Палата смеха]. – Пекин: Китайское драматическое изд-во, 1999. – 139 с. – На кит. яз.
23. Фэн Мэнлун. Цинши лэйлюэ [История чувств, изложенная по родам]. – Чанша: Юэлу, 1984. – 738 с. – На кит. яз.
24. Фэн Мэнлун. Чжинан цюаньцзи. [Полное собрание мудрости]. Чжэнчжоу: Чжэнчжоусское изд-во древней литературы, 2000. – 1277 с. – На кит. яз.

Статья поступила в редакцию 10.06.2023.

Статья прошла рецензирование 30.06.2023.

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.1-126-161

STRATAGEM THINKING IN FENG MENLONG' WORKS: AN ATTEMPT AT AN INTERPRETATION

Zavyalova, Tatiana,

Postgraduate student of the Philosophy and Humanities Department,
Novosibirsk State University of Economics and Management,
56 Kamenskaya Street, Novosibirsk, 630099, Russian Federation;
Senior Lecturer of Confucius Institute at NSU,
1 Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-4043-8579
SPIN: 4502-4874
sunjing2006@yandex.ru

Abstract

The article focuses on the problem of correlation between ethical norms and stratagem thinking. The analysis of the methods of description and representation of stratagem thinking in the works of Feng Menglong is aiming to achieve a complex research goal. Firstly, to supplement the information about the biography and work of Feng Menglong; secondly, to introduce new sources for the study of stratagem thinking; thirdly, to describe the complex of socio-philosophical views of Feng Menglong as he mastered stratagem thinking. The collection of stratagems *A Complete Book of Wisdom* is introduced as an academic source for the first time. The article is organized into three parts. The first part introduces the problem: China civil officials, as well as the military class, actively used stratagems in management practice. The second part analyzes the facts of Feng Menglong's biography that initiated his interest in stratagems. Everyday stratagem thinking in Feng Menglong's personal experience provides a basis for evaluating *wisdom* and *foolishness* as significant social factors. The analysis of Feng Menglong's biography may confirm the hypothesis that in Chinese culture stratagem thinking was limited by the Confucian ethical system, which, on the one hand, does not encourage the use of stratagems, but on the other hand, does not prohibit it either. The third part focuses directly on the analysis of the literature source. The analysis of the structure and content of *A Complete Book of Wisdom* proves that stratagem thinking is a kind of practical and figurative-associative thinking, which does not destroy ethical frameworks, but shows an acceptable way out into the "gray zone" of ethics. The description of stratagems in *A Complete Book of Wisdom* is based on traditional Confucian values, but at the same time sets multi-option way to planned action.

Keywords: Feng Menglong, *A Complete Book of Wisdom*, stratagem, stratagem thinking, Confucian ethics.

Bibliographic description for citation:

Zavyalova T. Stratagem Thinking in Feng Menglong's Works: an Attempt at an Interpretation. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 3, pt. 1, pp. 126–161. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.1-126-161.

References

1. Confucius. *Suzhdeniya i besedy «Lun' yui»* [Sayings of Confucius]. Moscow, Shans Publ., 2021. 207 p. (In Russian).
2. «Men-tszy» [Meng-zi]. *Drevnekitaiskaya filosofiya: sobranie tekstov*. V 2 t. T. 1 [Ancient Chinese philosophy. Collection of texts. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1976, pp. 225–248. (In Russian).
3. Wang Lin. The value of the principle of “avoid litigation” in the practice of Feng Menglong. *Fujian Law*, 2015, no. 2 (122), pp. 3–6. (In Chinese).
4. Gao Hongjun. *Annotations, comments and interpretations on Feng Menglong's Collection of Classics*. Tianjin, Tianjin Ancient Books Press, 2006. 435 p. (In Chinese).
5. Who is the good official who has been praised by President Xi Jinping many times? *Website Communist Party Member Network*. (In Chinese). Available at: <https://www.12371.cn/2019/10/10/ARTI1570699798282230.shtml> (accessed 16.08.2023).
6. Li Yuhui, Guo Qi. Stories Told by President Xi Jinping: Good Official Feng Menglong. *Website of the China National Radio (CNR)*. (In Chinese). Available at: http://news.cnr.cn/native/gd/20191009/t20191009_524808347.shtml (accessed 16.08.2023).
7. Lin Lihui, Shi Jingnan, Wang Sibe, Xu Zhuang. President Xi Jinping's stories about reading books/ Web-site of the Government of the People's Republic of China. (In Chinese). Available at: https://www.gov.cn/xinwen/2022-04/22/content_5686745.htm (accessed 16.08.2023).
8. Liu Tianzhen, Li Jin. The Spirit of Manipulating the World and the Scholar's Feelings in Late Ming 's “Books of Wisdom”. *Chinese Science Weekly of Social Science*, 2016, no. 5 (July 11), pp. 1–2. (In Chinese).
9. President Xi Jinping recalls love of literature and his favorite books. *Website of the China Global Television Network (CGTN)*. Available at: https://news.cgtn.com/news/3d63444d7a597a6333566d54/share_p.html (accessed 16.08.2023).
10. Sun Yuexia, Li Weiguo. Four Years of Management Achievement in Shouning County: Sir is not only a great writer – Feng Menglong 's official “Clear Word to the World”. *China Discipline Inspection and Supervision*, 2018, no. 20, pp. 61–62. (In Chinese).
11. Xia Xianchun. Lun mingwei zhishu [Briefly about the “Books of Wisdom” of the end of the Ming Dynasty]. *Scientific notes of the Polytechnic University of Changsha. Series: Social Sciences*, 1993, no. 1, pp. 83–85. (In Chinese).
12. Ji Yun. *Summary of General Catalog of Siku Quanshu*. Shijiazhuang, Hebei People's Publishing House, 2000. 5634 p. (In Chinese).
13. *Zengguan xianwen* [Sayings that Expand Wisdom]. Beijing, University of International Business and Economics Press, 2001. 380 p. (In Chinese).
14. Zhang Yingyu. *Strange cases from “rivers and lakes” – A new book on protection from deception*. Taiyuan, Shanxi Ancient Books Press, 2006. 358 p. (In Chinese).

15. Zhao Yi, Wu Xia. The Blue Robe King of Grassroots Scholars in the Ming Dynasty – Betrayer of Traditional Spirit of Scholars. *Journal of Southwest University (Social Sciences Edition)*, 2020, no. 2, pp. 154–162. (In Chinese).
16. Zhu Xi. Zhuzi yulei [The Classified Sayings of *Master Zhu Compiled by Types*]. *Chinese Text Project*: website. (In Chinese). Available at: <https://ctext.org/zhuzi-yulei/zhs> (accessed 16.08.2023).
17. Zhu Yuanliang. Rhyming Lines from Green Towers. *Chinese Text Project*: website. (In Chinese). Available at: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=702207&remap=gb> (accessed 16.08.2023).
18. Chen Yuliang. The Career Path of the Shengyuan in the Ming Dynasty. *Anhui Historiography*, 2002, no. 4, pp. 2–10. (In Chinese).
19. Feng Menglong. Hanging Tree Branches. *Zhongguo diancang*: website. (In Chinese). Available at: <https://www.zhonghuadiancang.com/shicixiqu/guazhier> (accessed 16.08.2023).
20. Feng Menglong. *Frivolous Conversations from Antiquity to our Days*. Tianjin, Tianjin Ancient Books Press, 2006. 1258 p. (In Chinese).
21. Feng Menglong. Cards Canon. *Wikisource*: website. (In Chinese). Available at: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/牌經十三篇> (accessed 14.08.2023).
22. Feng Menglong. *Chamber of Laughter*. Beijing, China Drama Publishing House, 1999. 139 p. (In Chinese).
23. Feng Menglong. *Encyclopedia of Feelings Compiled by Types*. Changsha, Yuelu Publishing House, 1984. 738 p. (In Chinese).
24. Feng Menglong. *A Complete Book of Wisdom*. Zhengzhou, Zhengzhou Ancient Books Press, 2000. 1277 p. (In Chinese).

The article was received on 10.06.2023.

The article was reviewed on 30.06.2023.